

*О. К. Ирисханова, д. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия.
e-mail: o.iriskhanova@linguanet.ru*

*О. К. Iriskhanova, Doctor of Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.
e-mail: o.iriskhanova@linguanet.ru*

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖЕСТОВ ПРИ РЕШЕНИИ СПОНТАННЫХ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ЗАДАЧ

В работе рассматриваются жесты, сопровождающие речь говорящего, который спонтанно решает задачи метаязыкового характера. Проведенное экспериментальное исследование жестов, сопровождающих различные затруднения в речи, выявило бóльшую значимость прагматических жестов по сравнению с репрезентирующими, что может указывать на важность установки говорящего на интерактивность (пусть даже и воображаемую) при повышенной когнитивной нагрузке.

Ключевые слова: метаязыковые задачи; жесты; репрезентирующие жесты; прагматические жесты; синхронный перевод.

PRAGMATICS OF GESTURES USED IN SPONTANEOUS METALINGUISTIC PROBLEM SOLVING

The paper is focused on gestures which accompany the speech of the interlocutor in the process of spontaneous solving metalanguage problems. Two experimental studies of gestures related to various difficulties which arise in the course of speech testify to a greater significance of pragmatic gestures as compared to the representational ones and may indicate the importance of the speaker's predisposition for interactivity (even if imaginary) in case of an increased cognitive load.

Key words: metalanguage problems; gestures; representative gestures; pragmatic gestures; simultaneous translation.

В исследовании выявляется роль жестов, сопровождающих речь говорящего, который спонтанно решает задачи метаязыкового характера. К подобным задачам мы отнесли, во-первых, задачи синхронного перевода с одного языка на другой и, во-вторых, задачи неподготовленного пояснения различий между близкими синонимами одного (родного) языка. Таким образом, решение метаязыковых задач предполагает поиск эквивалентов языковых единиц как в разных языках, так и внутри одного языка – т. е. межъязыкового или внутриязыкового перекодирования. Подобного рода

речевая деятельность как бы направлена на саму себя и на объект, которому подыскивается альтернативный языковой эквивалент, поэтому в тех жестах, которые ее сопровождают, естественно ожидать активное употребление движений рук, иконически репрезентирующих свойства референта (например, когда слово *линия* сопровождается соответствующим жестом прочерчивания), в то время как жесты интерактивные (обращения, выражение интенций, ментальных состояний и др.) отходят на задний план.

Для проверки данного предположения было проведено два исследования. В первом случае 20 синхронных переводчиков с разным опытом осуществляли перевод аудиозаписи Ted Talk с английского языка на русский и наоборот (данный вид метаязыковой деятельности характеризуется наименьшей интерактивностью). Во втором случае испытуемым (14 студентам-лингвистам) предлагались пары близких синонимов на русском языке для пояснения различий между ними (например, *огонь – пламя; битва – схватка; чепуха – ерунда; кара – наказание; идеал – совершенство*, и др.). Здесь наблюдалась бóльшая интерактивность, поскольку решение метаязыковой задачи предполагало пояснение различий между лексемами для конкретного собеседника.

В обоих исследованиях велась видеозапись; материалы обрабатывались с помощью программы ELAN (Институт психолингвистики Макса Планка в Неймегене, Нидерланды). При аннотировании жестов использовалась классификация К. Мюллер и А. Ченки, в которой жесты делятся на биты (подчеркивают ритм речи); адаптеры (жесты касания себя или окружающих объектов); репрезентирующие жесты (жесты иконически передают свойства объекта); прагматические жесты (жесты передают интенции говорящего, его когнитивные и эмоциональные состояния); дейктические жесты (жесты указания) [3; 6]. В нашем исследовании рассматривались только жесты, сопровождающие различные затруднения в речи (заполнители пауз, заикания, самоисправления, конструкции с неопределенной референцией и др.). Полученные видео материалы подвергались количественному и качественному анализу.

Анализ аннотированных видеозаписей двух эмпирических исследований показал, что несмотря на то, что метаязыковые задачи обладают пониженной интерактивностью (особенно перевод из синхронной кабины), говорящие, наряду с адаптерами, весьма часто употребляли прагматические жесты (42 % у переводчиков и 36 % у студентов-лингвистов; за 100 % принималось общее количество жестов у соответствующих групп испытуемых в момент затруднений).

Если частотность адаптеров объясняется наличием когнитивной нагрузки, свойственной спонтанному решению проблемы, то активное употребление

прагматических жестов для двух типов метаязыковых задач, по-видимому, может объясняться действием разных факторов. Синхронный перевод сопровождался прагматическими жестами, выражающими обращение к воображаемой аудитории. Данный вид метаязыковой деятельности представляет собой особую «вторичную» коммуникацию, для успешности которой, по-видимому, важна способность совмещать точки зрения (а значит – и интенции) переводчика и коммуниканта, речь которого он переводит.

Что касается задачи пояснения различий между синонимами, то здесь преобладали рекуррентные прагматические жесты колебания, циклических движений и так называемые жесты PUOH (ладони, повернутые вверх) [1; 2; 5]. Данные жесты несут в себе значение неопределенности, неуверенности [4]. Также, вопреки ожиданиям, было замечено, что репрезентирующие жесты оказались не столь частотными в анализируемых видеоматериалах (в среднем от 13 до 23 %); кроме того, некоторые репрезентирующие жесты также реализовывали вспомогательную прагматическую роль.

Таким образом, проведенное исследование показало, что для решения спонтанных метаязыковых задач весьма значимыми оказываются не столько репрезентирующие жесты, сколько жесты прагматические, что может указывать на важность установки говорящего на интерактивность (пусть даже и воображаемую) при повышенной когнитивной нагрузке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М. : ЯСК, 2017.
2. Bressemer J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // *Body – Language – Communication: An international hand- book on multimodality in human interaction.* / C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill & J. Bressemer. Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. P. 1575–1591.
3. Cienki A. Image schemas and gesture // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics.* New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 421–442.
4. Iriskhanova O. K., Prokofyeva O. N. Markers of uncertainty in speech and gesture: some cognitive implications for Grice's maxims // *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2020. № 4. С. 18–25.
5. Ladewig S. The cyclic gesture // *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction.* / C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill & J. Bressemer. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 1605–1618.
6. Müller C. *Metaphors, Dead and Alive, Sleeping and Walking. A Cognitive Approach to Metaphors in Language Use.* Berlin : Freie Universität, 2005.